

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ЯНВАРЕ–МАЕ 2013 Г.:
КЛЮЧЕВЫЕ РИСКИ***К. Казенин*

В регионах Северного Кавказа в первые месяцы 2013 г. оставались нерешенными основные проблемы, создающие напряженность в этом регионе. В частности, по-прежнему не найдено системное решение конфликтов в земельной сфере, а также сохраняются серьезные противоречия в исламской среде и высокий уровень экстремистской преступности. Наиболее серьезные на данный момент риски, связанные с этими нерешенными проблемами, касаются земельных вопросов, имеющих отношение к курортному строительству, а также все более тесной «связки» экстремистской преступности с конфликтами экономического характера.

Курорты: земельный узел

На Северном Кавказе продолжается реализация проекта по созданию горнолыжного туристического кластера. Оператором этого проекта является ОАО «Курорты Северного Кавказа», контрольный пакет акций которого принадлежит государству. Согласно проекту, представленному в 2010 г. и скорректированному в 2011 г., в него должно войти 6 современных горнолыжных курортов: Матлас (Дагестан), Армхи (Ингушетия), Мамисон (Северная Осетия), Эльбрус-Безенги (Кабардино-Балкария), Архыз (Карачаево-Черкесия) и Лаго-Наки (Адыгея). Основной «имиджевой» новостью туркластера за 5 месяцев 2013 г. стало открытие первой трассы курорта Армхи в Ингушетии в феврале¹. Однако Армхи вряд ли может рассматриваться как центральный элемент кластера с экономической точки зрения. Во-первых, курорт построен на высоте около 1500 м, где снежный покров нестабилен, в том числе и зимой (неслучайно, что даже церемония открытия курорта переносилась из-за отсутствия снега). Во-вторых, сложная оперативная обстановка в Ингушетии и отсутствие узнаваемого бренда нового курорта вряд ли позволяют надеяться на существенный поток туристов из других регионов. Видимо, осознавая это, глава региона Юнус-Бек Евкуров еще до открытия Армхи заявлял, что курорт «в первую очередь, позволит удовлетворить внутренний спрос»².

В экономически более перспективных «звеньях» горнолыжного кластера – курортах Западного Кавказа, где более стабильный и долговременный снежный покров и куда даже до начала строительства кластера регулярно приезжали туристы из разных регионов России – новые объекты за первые 5 месяцев 2013 г. открыты не были.

Более важным, однако, представляется то, что не были разрешены серьезные противоречия, связанные с предполагаемым вводом в действие новых курортов. Так, в Карачаево-Черкесии, несмотря на то, что первые гостиницы курорта «Архыз», общая вместимость которого составит 25 тыс. туристов, должны открыться уже летом, до сих пор никак не прояснен вопрос о защите интересов предпринимателей курорта «Домбай», который рискует потерять значительную часть туристов после ввода в эксплуатацию «Архыза». Как показано в последнем годовом обзоре Института Гайдара³, серьезный спад потока туристов на Домбай грозит значительной социальной, а, возможно, и политической напряженностью, поскольку Домбай является ключевым работодателем для значительной части Карачаевского городского округа и Карачаевского муниципального района, а многие семьи, владеющие гостиницами на этом курорте, имеют заметное политическое влияние в республике.

1 «Открытие курорта Армхи в Ингушетии перенесено на 5 февраля» // Кавказский узел, 25 января 2013 г. (<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/219158/>).

2 «В конце 2012 года курорт Армхи примет первых туристов // ИТАР-ТАСС, 27 февраля 2012 г. (<http://www.itar-tass.com/c30/353166.html>).

3 Российская экономика в 2012 году. Тенденции и перспективы. (Выпуск 34) – М.: Институт Гайдара, 2013. Раздел 6.7.

Другая нерешенная проблема, связанная с курортами на Западном Кавказе, касается земельных отношений. Особенно остро она стоит в Кабардино-Балкарии, где новые курорты предполагается строить в непосредственной близости от земель сельхозназначения, активно используемых местными жителями. События последних месяцев показали, что отсутствие прозрачной, четкой процедуры согласования с местными жителями земельных решений при курортном строительстве, – это системная проблема, а не недочет подготовки отдельных управленческих решений. Напомним, что «первым звонком» здесь стала ситуация в горном селе Безенги Черекского района, где осенью 2012 г. 5 депутатов местного самоуправления отказались от мандатов в связи с незаконным, по их мнению, отторжением земель села под курортное строительство. В самом конце 2012 г. стало известно о протесте против отвода земель под курорты уже со стороны депутатов одного из сел Зольского района. Там, правда, ситуация не обострилась настолько, как в Безенги: депутаты не отказывались от мандатов и даже позднее дезавуировали собственные заявления о необходимости запрета выделения земель под строительство¹. Тем не менее, по нашим данным, зимой и весной 2013 г. сельские общины тех сел Зольского района, чьи земли расположены в зоне будущего строительства, точно так же, как жители Безенги, находились в ожидании информации от ОАО «КСК» о границах будущих курортных землеотводов. По их собственному свидетельству, внятных разъяснений по поводу границ курортов и компенсаций за возможную потерю земель они пока не получили.

Наличие заметного протестного потенциала со стороны местных жителей и отсутствие диалоговых процедур по земельным вопросам на сегодняшний день является центральной проблемой курортного строительства. Учитывая остроту земельных конфликтов в различных регионах Северного Кавказа, представляется крайне опасным, если процесс планировки курортных территорий будет идти в фактически закрытом режиме. В мае появились сообщения о согласовании правительством Кабардино-Балкарии «вопроса по проведению кадастровых и землеустроительных работ, а также разработке проекта планировки территории особой экономической зоны ОАО «Курорты Северного Кавказа»»². В данный момент неизвестно, как конкретно в ходе этих работ будет построено взаимодействие с заинтересованными сельскими общинами. От подходов к этому вопросу со стороны самого руководства ОАО «КСК», меняющегося в настоящее время после отставки председателя совета директоров компании Ахмеда Билалова, будет зависеть, станет ли горнолыжный кластер новым серьезным катализатором напряженности в регионе.

Ислам: стагнация диалога и дробление конфликтов

Ислам играет значительную роль во всех регионах Северного Кавказа, однако в рамках данного обзора мы ограничимся динамикой исламской ситуации в Дагестане, где ислам не только занимает определяющее место в духовной сфере, но и является существенным фактором регулирования социальных отношений и конфликтов. Раскол внутри мусульманского сообщества Дагестана, явно оформившийся во второй половине 1990-х годов, привел к жесткой конкуренции различных исламских центров за неформальный контроль над самыми различными сторонами жизни региона. В качестве ответа на усиливающуюся конфронтацию дагестанские власти в 2010 г. стали инициаторами различных форм внутриисламского диалога, что обозначило отход от прежней установки на поддержку одной из ветвей ислама (суфизма) в качестве «традиционной» для Дагестана. После того, как в конце января 2013 г. временно исполняющим обязанности президента Дагестана стал Рамазан Абдулатипов, встал вопрос о том, какой курс выберет новая власть региона в отношении исламских проблем.

В целом можно констатировать, что такой выбор – по крайней мере, в публичном пространстве – пока не состоялся. Об этом свидетельствуют крайне противоречивые высказывания

1 «Депутаты Зольского района Кабардино-Балкарии не запрещали строительство туркластера» // ИА REGNUM, 4 декабря 2012 г. (<http://regnum.ru/news/1600606.html>).

2 «В Кабардино-Балкарии приступили к планировке территории особой экономической зоны» // ИА REGNUM, 14 мая 2013 г. (<http://regnum.ru/news/1658306.html>).

Абдулатипова по данной теме. Так, в начале марта на одном из правительственных совещаний он заявил о необходимости аттестации всех имамов мечетей в регионе¹. Такая процедура, уже анонсировавшаяся ранее в ряде других республик РФ, неизменно воспринимается как мера по активному вмешательству государства в вопросы вероучения. Однако менее чем через два месяца после этого заявления Абдулатипов формулирует такой принцип взаимоотношений республиканских властей с мусульманским сообществом, который не допускает подобного вмешательства и подобных разделений: «Мы не собираемся запрещать разного рода течения. Для нас главное, чтобы они соблюдали российские законы. Если это все будет делаться в рамках российских законов, не наше дело, кто как хочет молиться, кто какие обряды, традиции соблюдает. Для нас главное, чтобы религия не использовалась для борьбы с государством»².

Отметим, что неопределенность позиции республиканских властей в исламской сфере фиксируется на фоне кадровых потерь всех основных течений дагестанского ислама, понесенных ими в силу разных причин в 2012 г.³. Это обстоятельство – даже в случае, если руководство региона решит возобновить диалог – ставит под вопрос возможность формирования таких диалоговых «команд», чей авторитет был бы безусловно принят верующими.

На фоне неясных перспектив возобновления диалога между разными легальными «центрами» местного ислама в регионе усугубляются и проблемы экстремистской преступности. Здесь ярче обозначились тенденции, в некоторой степени наблюдавшиеся и ранее. Речь идет об усилении очагов напряженности в отдельных селах, где имеют место серьезные конфликты экономического характера.

Например, в марте-апреле нарастала напряженность в селе Гимры Унцукульского района: в ходе спецоперации в Махачкале 19–22 марта был убит лидер так называемого «гимринского джамаата» Ибрагим Гаджидадаев⁴, а в апреле в самом селе Гимры прошла масштабная операция, в ходе которой было уничтожено несколько активных членов местного бандподполья, оказывавших активное сопротивление правоохранительным органам. Эскалация насилия в селе Гимры происходит на фоне крайне острых проблем, связанных с компенсационными выплатами местным жителям за утрату земли и домостроений при строительстве водохранилища вблизи этого села⁵.

Другим примером может служить ситуация в селе Хаджалмахи Левашинского района, где весной 2013 г. произошло крайнее обострение взаимоотношений между имеющимися в селе религиозными группами, с убийствами и взаимными обвинениями в убийствах⁶. Одновременно село охватил жесткий конфликт по поводу финансовой пирамиды, организованной группой жителей села и аккумулировавшей миллиарды рублей в качестве взносов, собранных в различных районах Дагестана⁷. Взрывоопасность ситуации связана с тем, что инициаторы пирамиды, по имеющимся данным, известны как адепты одного из религиозных течений, присутствующих в селе. Тем самым религиозные и экономические факторы обострения ситуации оказываются тесно переплетены.

1 «Рамазан Абдулатипов: Надо провести аттестацию имамов мечетей» // РГВК «Дагестан», 1 марта 2013 г. (<http://www.rgvktv.ru/news/18404>).

2 Рамазан Абдулатипов, и.о. президента Дагестана: «Всех моих предшественников сожрали кланы» // Комсомольская правда, 30 апреля 2013 г.

3 Российская экономика в 2012 году. Тенденции и перспективы. (Выпуск 34) – М.: Институт Гайдара, 2013. Раздел 6.7.

4 «Убит один из лидеров дагестанского бандподполья?» // ИА REGNUM, 21 марта 2013 г. (<http://regnum.ru/news/1638637.html>).

5 См. И.В. Стародубровская, Д.В. Соколов. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. Москва: Дело. 2013. С. 150–173.

6 «Дагестанские власти опровергают информацию о «расстрельных списках»» // ИА REGNUM, 13 мая 2013 г. (<http://regnum.ru/news/1657849.html>).

7 «Хаджалмахинские пирамиды. Первая кровь» // Кавказская политика, 6 апреля 2013 г. (<http://kavpolit.com/xadzhalmaxinskije-piramidy-pervaya-krov/>).

«Параллелизм» религиозных и экономических конфликтов наблюдается и в ряде других населенных пунктов Дагестана. Развитие этой тенденции ведет к территориально-му «дроблению» изначального конфликта между разными религиозными течениями, к его все большему встраиванию в непохожие реалии разных частей региона. По мере усиления этой тенденции, те рецепты диалогового урегулирования, которые применялись в Дагестане в 2010–2012 гг. и были основаны преимущественно на консультациях между религиозными лидерами республиканского масштаба, могут утратить актуальность. Для снижения напряженности в религиозной сфере потребуются меры, максимально «настроенные» на специфику конкретных сел и районов, а также увязанные с решением назревших экономических проблем. ●